

**Валерый Васільевіч БАРАШКОЎ,
народны настаўнік Беларусі,
настаўнік фізікі Магілёўскага
дзяржаўнага абласнога ліцэя № 1:**

Мне пашчасціла прачытаць кнігу “Мой фізмат” яшчэ ў электронным варыянце. І я яе не проста прачытаў. Я яе ў літаральным сэнсе праглынуў. Напэўна, таму, што практычна ўсе персанажы кнігі мне былі так ці інакш знаёмыя: хтосьці з іх чытаў у мяне лекцыі, хтосьці прымаў экзамены, з кімсьці разам працаваў. Таму і прачытаў кнігу на адным дыханні.

Прачытаўшы, адразу патэлефанаваў Аляксандру Міхайлавічу Радзькову і сказаў, што я б кнігу назваў па-іншаму. Вядома, аўтар пацікавіўся: як жа? Я адказаў, што на расійскім тэлебачанні ёсць музычная перадача “Точь-в-точь”. Так я назваў бы і гэтую кнігу. Настолькі праўдзіва ахарактарызаваны галоўныя героі: настаўнікі, лабаранты, аспіранты. Аляксандр Міхайлавіч вельмі ярка і светла ўспомніў пра кожнага. А гэта сапраўды цудоўны педагогі.

Напрыклад, асабіста на мяне касмічнае ўздзеянне аказаў Мікалай Андрэвіч Ганчарык. Ён так захоплена чытаў лекцыі, што імгненна натхняў студэнтаў. Мы не заўважалі часу заняткаў. Натхнёныя гэтым педагогам, заўсёды з эн-

тузіязмам ішлі на вучобу. Я і цяпер часта ўспамінаю асобу гэтага выдатнага выкладчыка. Глыбокае уражанне на мяне таксама аказалі Канстанцін Канстанцінавіч Жылік, Пётр Пятровіч Машкоўскі, Ягор Ягоровіч Сянько, Аляксей Архіпавіч Мазанік...

Чытаючы кнігу, я як быццам вярнуўся ў мінулае. Вельмі правільна сказаў Аляксандр Міхайлавіч пра тое, што час імкліва бяжыць наперад, развіццё цывілізацыі ідзе па экспаненце, гэта прымушае ўсіх пастаянна ўдасканальвацца, атрымліваць новыя веды. Але пры гэтым не трэба забываць гісторыю, а часам бывае нават карысна зазірнуць у мінулае.

Дзесьці апавяданне літаратурна адрэдагавана, але гэта ніяк не ўплывае на яго абсалютную дакладнасць. Усё, пра што апавядае кніга, адбывалася на самай справе.

Аўтар твора Аляксандр Міхайлавіч Радзькоў — разумны, таленавіты, прыстойны, удумлівы чалавек, які умее слухаць і чуць, без фальшы вырашаць любыя праблемы. Мы пазнаёмліліся з ім у студэнцкім атрадзе дзесьці на трэцім курсе. А па першым часе вучобы проста калі-нікалі сустракаліся. Калі чытаў кнігу, успомніўся такі эпізод.

Мы стаялі з хлопцамі ў сталовай, размаўлялі. Бачу — непадалёк сядзіць Радзькоў, есць, а перад ім нейкі лісток паперы. Ён часам дастае ручку і робіць нейкія адзнакі ў гэ-

тым лістку. Я зацікавіўся, думаю: няўжо ён дэгустуе ежу? Вырасьці высветліць, што за запісы ён вядзе. І высветліў. Аказваецца, Аляксандр Міхайлавіч распрацоўваў своеасаблівыя асабістыя планы спраў на дзень. У тым лістку па пунктах ён адзначаў, што яму неабходна прачытаць пэўную кнігу, спытаць у аднаго педагога аб рашэнні задачы, абмеркаваць з іншым педагогам пэўнае пытанне і гэтак далей. І ён адзначаў тое, што ўжо было зроблена. З такім жа лістком-планам я пасля сустракаў Аляксандра Міхайлавіча і ў бібліятэцы. У яго на кожны дзень быў вызначаны план. Тады мы з Барысам Дзмітрыевічам Чабатарэўскім вырашылі, што і нам трэба нейкі план выконваць. І мы з ім часцяком практычна да ночы праседжвалі ў нашай цяпер абласной бібліятэцы, вучыліся, імкнуліся. Такім чынам, гэты асабісты план дзеейнаў Радзькова пэўнае ўздзеянне аказаў і на мяне.

Мяркую, што Аляксандр Міхайлавіч веў нейкі дзённік таму, што ўсяго таго, пра што ён піша, запомніць было немагчыма. Гэта я раю рабіць усім, бо самааналіз, самаацэнка спрыяюць развіццю.

Кніга “Мой фізмат” будзе цікавая як старэйшаму пакаленню, так і маладым людзям. Тут будзе што пераняць кожнаму чытачу.

Александр РАДЬКОВ

Мой физмат

(Отрывок из книги)

АСПИРАНТЫ

В университетской среде, как и вообще в жизни, неизбежна смена поколений. Преподаватели нас оценивали уже с первых шагов учебы в институте. Причем каждый — по-своему. Урбанович “висел” над тобой час, проверяя домашнее задание, Лапковский звал поиграть в баскетбол или записаться в “моржи” и по дороге подсовывал задачки, Архипов в свое личное время занимался только с тобой, “вытягивая” на понимание тех научных тем, которыми занимался сам, Коробенко присматривал в тебе будущего ассистента кафедры, Столяр своими научным масштабам вовлекал в проблематику самых современных и актуальных во всем мире исследований.

Мы же в это время искали, куда податься, чем заниматься, к кому “притулиться”. Так постепенно и определялись с направлениями научных исследований, аспирантурой, тематикой-диссертаций.

Перспективные студенты видны на лекциях, практических и семинарских занятиях, даже в коридорах учебного здания. И с ними надо работать. Моим первым аспирантом был Сергей Гуцанович. В середине учебы он почему-то перевелся на заочное отделение матфака Минского пединститута, но после его окончания приехал проситься ко мне в аспирантуру. А я в это время изучал возможности использования тестовых методик в обучении математике, уже завершал работу над докторской диссертацией, задач и проблем в этих исследованиях у меня было много, поэтому и предложил Гуцановичу заняться этой же темой. Сергея увлекли возможности математических тестов для выявления не только уровня знаний школьников, но и их способностей. В аспирантуре Минского пединститута он учился увлеченно, можно сказать, азартно. Регулярно приезжал ко мне в Могилев на консультации. Я в это время уже работал первым проректором университета, и обязанностей у меня было “выше головы”, в приемной всегда очередь: деканы, заведующие кафедрами, руководители научных проектов, преподаватели, административные работники, лидеры студенческих общественных организаций. Гуцанович занимал очередь и терпеливо ждал. У него всегда ко мне было 17—20 вопросов, непонятных, и он настойчиво добивался ответа на каждый из них. Поэтому мы с ним в кабинете надолго “зависали”. Коллеги в приемной начинали возмущаться и выяснять, кто у меня так надолго “застрял”. Лидия Петровна, наша с ректором помощница в приемной, терпеливо поясняла:

— У него аспирант Гуцанович. Он залез к Александру Михайловичу под рубашку и будет там сидеть, пока не решит все свои вопросы.

Диссертацию Сергей сделал в срок, конечно, аспирантуру. О ее качестве говорит тот факт, что члены Совета посреди защиты предложили остановить этот процесс — им было все понятно и не хотелось тратить свое время на формальности. А декан матфака Минского пединститута профессор А.Б.Василевич после защиты предложил Гуцановичу сразу поступать в докторантуру. Я считаю, это была ошибка. В моих планах было “припахать” Сергея преподавательской работой, “приземлить”

его, притушить ненужную эйфорию. Устроил его на кафедру методики преподавания математики старшим преподавателем, поручил курс лекций, привлек к интенсивной научной работе. Но Сергей, ломая мне ногти, вырвался из рук, просился в докторантуру. Да и со студентами он работал весьма своеобразно — мог увлечься посторонними темами, вообще на занятиях уйти в свои мысли. И мы договорились с профессором И.А.Новик, что Гуцанович пойдет к ней на кафедру в докторантуру. Тема его кандидатской диссертации оказалась перспективной, она и легла в основу докторской диссертации.

С Сергеем мы продолжали совместные исследования, выделялись часто, и я всякий раз хотел его хоть немного “остудить”, заставить подумать о себе, о своем здоровье. Однажды он приехал ко мне в конце лета, сказал, что был в Крыму. На вопрос, как отдохнул, он вывалил мне на стол рукопись пособия для учащихся школ и статью для научного журнала. Я вынужден был ему сказать, что научная работа состоит не только из изучения специальной литературы и написания статей, но еще и из южной черешни, ароматных шашлыков, теплого моря и крымского солнца. Сергей при этом только улыбался.

Прошло три года его докторантуры. Ирина Александровна звонит мне из Минска, говорит, что Гуцанович уже оформил докторскую диссертацию и рвется на защиту. Но она всегда была согласна со мной в необходимости его регулярно “заземлять” и просила не торопиться читать его диссертацию, не спешить выпустить его на защиту. Однако, получив от Сергея его работу на отзыв, я ее буквально “проглотил” — тема-то мне близка, а диссертация написана великолепно. Звоню профессору Новик, говорю, что я не могу Гуцановича держать с защитой. Это неправильно. Ирина Александровна засмеялась и сказала, что она тоже так думает, но решила заручиться и моей поддержкой.

Докторскую Сергей Аркадьевич защитил блестяще. После этого набрал силу, пробовал себя в разных плоскостях: преподавал, руководил научными проектами, заведовал лабораторией в НИИ образования, создавал учебные программы и писал к ним пособия. Я в это время работал министром образования и с Сергеем Аркадьевичем виделся нечасто. Да и сам из интенсивной научной работы вынужден был уйти. Однако за Гуцановичем следил. Он же все время чувствовал в себе какую-то неудовлетворенность, мог выпить, часто болел. Однажды я его спасал с врачами Могилевской областной больницы, куда он попал в тяжелом состоянии, и меня успели об этом оповестить. А в последний раз не успели... Мой Сереза умер. Не удалось мне его для малых скоростей “посадить на трактор...”

До развала Советского Союза, когда научная работа для молодых людей была приоритетно престижной, я практиковал такой подход в определении способных к исследованиям студентов. Когда видел на экзамене хороший ответ, выставлял “отлично” и говорил этому студенту:

— На каникулах надо навестить родных, поест маминых пирогов, встретиться с друзьями

ми, отоспаться. Но это — на два-три дня. А потом вашей голове станет скучно. Я вам дам задачку. Непростую! Захотите — порешайте. Потом придете ко мне после каникул и скажете, решили или нет.

Не все, кому я предлагал такие задания, приходили, но обязательно находились пытливые. Приносили решения или приходили разобраться, что это за задача и почему не поддалась. И тогда было видно, кто не только с умом, но с необходимой для науки настойчивостью, неиссякаемым природным интересом ко всему новому и неизведанному, кого надо было “нагружать” новыми задачами. Так, например, ко мне пришли Наташа Волкова, Саша Игнатенко, Ира Сорока, Людмила Евменова, Иван Бриневец, Андрей Довгалев, Сергей Цевелев, Андрей Чеботаревский. Потом, через занятия в кружке, курсовые и дипломные работы, шел дальнейший отбор, выявлялись будущие аспиранты.

Вот так, с решенной после каникул нестандартной задачей, пришла и Лена Кравец. Она отличалась аккуратностью, организованностью, трудолюбием. Я предложил ей исследовать возможности тестовых методик для формирования математических понятий. Защитилась Елена Всеволодовна успешно, стала доцентом, автором многих пособий с тестовыми заданиями, долгое время работала начальником учебного отдела Могилевского университета, теперь — директор социально-педагогического колледжа в структуре этого университета.

Моим аспирантом был и Андрей Довгалев. После окончания физмата он работал председателем студенческого профкома и писал под моим руководством кандидатскую диссертацию. Толковый парень, за два года он подготовил работу. Но в начале третьего года обучения в аспирантуре вдруг исчез. Я его нашел только через три месяца. Спрашиваю:

— Скрывался в читальном зале? Дописывал диссертацию?

А он, потупив взор, отвечает:

— Нет, Александр Михайлович. Дело свое открыл. Ставлю на легковые автомобили противоударные устройства. Из аспирантуры буду уходить.

Я ему говорю:

— Андрей, у тебя хорошая голова, ее надо нагружать наукой, иначе можно даже заболеть. И диссертацию свою ты уже почти завершил. Жалко же сделанного, да и перспективы у тебя в университете хорошие.

А он мне:

— На заработанные в этом бизнесе деньги я купил жене шубу. Видели бы вы ее глаза!

С этого момента я понял, что бизнес начинает забирать умных людей, увлекать молодых наукой будет все труднее. Успокоил себя мыслью, что и там нужны толковые.

Татьяну Столярову “сосватали” мне в аспиранты спортсмены. В Могилеве на улице Вавилова мы жили по соседству с семьей Натальи Ермолович, заслуженного мастера спорта, восьмикратной чемпионки Советского Союза по метанию копья, участницы и призера множества международных соревнований. В доме рядом с нами было целое “гнездо” профессиональных спортсменов. Я заметил, что у них четкая психология жизни: определяй направление своих способностей, ставь перед собой цель и предельно концентрируйся для достижения результата. Вот они и увидели у Татьяны природные математические задатки, настояли, чтобы я занялся их развитием. И не ошиблись. Она довольно быстро написала диссертацию, защитилась, какое-то время работала на кафедре методики преподавания математики и затем ушла в бизнес.

Ларису Великанову ко мне привел ее отец — мой учитель, коллега и близкий друг Иван Иванович Мартынов. Сказал, что ее надо чем-то занять, пропадает хорошая голо-

ва. У нее был характер отца — настойчивая, работоспособная, но упрямая, порой даже бескомпромиссная. Мы решили с ней изучать влияние устных упражнений на эффективность обучения школьников математике. Тут были весьма кстати и научные наработки ее отца — Иван Иванович всегда активно пропагандировал устный счет как один из самых действенных способов развития памяти и в целом интеллекта.

Отец Лены Рогановской, известный ученый, математик-методист, формально не мог быть ее научным руководителем по диссертационной работе. Она была моей студенткой и поэтому пришла ко мне. Однако ее отец не согласился с темой исследования, которой мы с Леной решили заниматься. И здесь она проявила характер, заявив отцу, что в этом деле не он ее руководитель. Лена изучала интерактивный подход к разработке учебно-дидактических материалов по математике для школьников, в 2002 году успешно защитилась. Теперь работает доцентом кафедры методики преподавания математики, уже с отцом написала несколько учебных пособий, издала монографию по теории и методике применения школьного электронного учебника, подготовила к защите докторскую диссертацию.

С коллегой и близким другом Борисом Чеботаревским мы вместе писали учебные пособия по алгебре и теории чисел, разрабатывали новые учебные курсы, читали лекции для учителей и спецкурсы для школьников. И при этом всегда задавались целью проследить развитие основных математических понятий и линий — от школьного курса через университетское обучение к их современной трактовке. Такую научную задачу мы и поставили Андрею Чеботаревскому. На эту тему он написал кандидатскую диссертацию и защитил ее на нашем физмате. Очень талантливый парень, но он не успел по-настоящему развернуться — его жизнь трагически оборвалась...

С Леной Старовойтовой меня просили поработать ее родители — декан физмата Л.Е.Старовойтов и доцент кафедры методики преподавания математики Т.С.Старовойтова. Они же, в частности, повлияли и на выбор темы ее исследования — осуществление прикладной направленности обучения математике в школе. Защищалась Лена в 2011 году, я уже в это время работал в Администрации Президента.

Работа в Министерстве образования меня полностью поглотила, я уже не мог интенсивно заниматься своими научными разработками и, следовательно, руководить аспирантами и докторантами. Перестал даже читать лекции, они ведь требуют полной самоотдачи! Конечно, отказаться от этой составляющей моей жизни было очень тяжело.

Так же работали на будущее нашего физмата мои коллеги и друзья. Л.А.Латотин подготовил к защите свою ученицу Татьяну Гостевич. Она теперь заведует кафедрой методики преподавания математики. Готовили к аспирантуре и помогали в научных исследованиях своим студентам Н.П.Морозов, Б.Д.Чеботаревский, Н.И.Стаськов, С.М.Чернов, существенно добавили в подготовке научных кадров для физмата профессора А.В.Волосевич, С.С.Гусев, С.В.Жестков, А.Б.Сотский, В.А.Юревич. Их ученики Сергей Батан, Наталья Каменская, Людмила Романович, Наталья Кожуренко, Ирина Марченко и многие другие работают доцентами, заведуют кафедрами, результативно занимаются научной работой в нашем и других университетах и научных центрах. Ученица профессора В.А.Юревича доцент Елена Валерьевна Тимошенко теперь работает проректором по научной работе, она занимает ту университетскую должность, на которой в свое время был знаменитый профессор А.А.Столяр...

Мой физмат продолжает развиваться, и теперь об этом заботятся уже наши ученики.